

*Вскоре фигуры из пара, отец и сын,
слились с толпой на Лас-Рамблас, и их
шаги навсегда затерялись в тени ветра.*

Тень ветра

От издателя

Завершив труд своей жизни «Кладбище забытых книг» публикацией в ноябре 2016 года последнего романа тетралогии «Лабиринт призраков», Карлос Руис Сафон планировал собрать в одну книгу рассказы. Речь шла о том, чтобы представить читателю как рассказы, опубликованные в различных форматах в периодической печати, либо в отдельных выпусках, сопровождающих специальные издания романов, так и те, что оставались неизданными.

С этой целью писатель предоставил нам рассказы, которые еще не печатались, и поручил собрать уже опубликованные в прошлом, чтобы подготовить издание, замысел которого шире, нежели простое собрание всех рассказов автора. Однако вначале из-за близившейся публикации тетралогии, а потом и из-за болезни автора мы предпочли отложить публикацию этой книги.

Карлос Руис Сафон задумывал этот сборник, сам по себе цельный и значимый, как дань признательности читателям, следившим за всеми перипетиями саги, начиная с первого романа «Тень ветра». Ныне, в связи с посмертным характером публикации, сборник становится также и данью памяти со стороны издательского дома одному из лучших писателей нашего времени.

«Город из пара» расширяет горизонты литературного мира, выстроенного в «Кладбище забытых книг». Получают развитие неизвестные стороны жизни и личности того или иного персонажа, или из глубины веков возникает история построения легендарной библиотеки, или тематика, мотивы, атмосфера этих рассказов оказываются знакомыми людям, которые прочитали сагу. Проклятые писатели, архитекторы-визионеры, подмена лиц, фантазмагорические здания, проникновенная пластичность описаний, мастерски построенные диалоги... А главное, обещание, что история, рассказ, сам ход повествования приведут нас в новый, чарующий край.

От «Бланки и прощания», рассказа, открывающего сборник, до «Двухминутного апокалипсиса», помещенного в конце, истории переплетаются через голос повествователя, хронологию или детали, рисуя мир, который возникает на наших глазах, полнокровный, хотя и вымышленный — вселенная из пара.

Что до литературных жанров, то и тут «Город из пара» демонстрирует мастерство, с которым Карлос Руис Сафон творит собственную, неподражаемую литературу. В ней можно найти элементы романа воспитания, исторического и готического романа, триллера, романтической прозы, не говоря уже об умелом использовании приема «рассказ в рассказе».

Но не станем больше занимать твое внимание, дорогой читатель. Излишне напоминать о значимости писателя, если его сравнивают с Сервантесом, Диккенсом, Борхесом... Добро пожаловать в мир новой и, к сожалению, последней книги Сафона.

Эмиль де Розьерс Кастеллайн

БЛАНКА
И
ПРОЩАНИЕ

*(Из воспоминаний, никогда
не сбывшихся, некоего Давида
Мартина)*

1

Я всегда завидовал тем, кто умеет забывать, для кого прошлое — чередование времен года или замена старых башмаков. Достаточно спрятать их в глубине шкафа, и им уже не вернуться обратно, по своим затерянным следам. Я, к несчастью, помню все прошлое, а оно помнит меня. Помню раннее детство, холодное и одинокое, застывшие мгновения созерцания серых дней и черное зеркало, заворожившее взгляд отца. Едва ли память сохранила какого-нибудь друга. Могут всплыть лица ребяташек из квартала Ла-Рибера, с которыми играл или дрался на улице, но никого из них я не хотел бы вызволить из страны безразличия. Только Бланку.

Бланка была старше меня на пару лет. Я познакомился с ней апрельским днем у порога своего дома. Ее вела за руку служанка, которая собиралась забрать книги из маленькой букинистической лавки, расположенной напротив строившегося концертного зала. Судьбе было угодно, чтобы в тот день магазинчик открылся только в полдень, а девица явилась в половине двенадцатого; я и помыслить не мог, что эти полчаса ожидания определяют мою

дальнейшую судьбу. Сам я никогда бы не осмелился заговорить с девочкой. Ее одежда, аромат, величавые жесты не оставляли никаких сомнений, что эта девочка из богатой семьи, затянутая в шелка и кружево, не принадлежит к моему миру и тем более я — к ее. Нас разделяла улица шириной в несколько метров и длинные лиги незримых законов. Я всего лишь восхищался ею, как разглядывают роскошные вещи, выставленные в витринах бутиков — их двери вроде бы открыты, но ты знаешь, что в жизни не переступишь этот порог. Я часто думаю, что, если бы отец так не пекся о моей чистоплотности, Бланка ни за что бы меня не заметила. Отец считал, что на войне насмотрелся грязи на девять жизней вперед, и, хотя мы были беднее библиотечных мышей, сымальства приучил меня к холодной воде, которая текла, когда хотела, из крана над раковиной, и к кускам мыла, издававшего запах щелока и сдиравшего все, вплоть до угрызений совести. Так в свои восемь лет ваш покорный слуга Давид Мартин, чисто вымытый оборванец, в будущем возжелавший стать писателем третьего ряда, сумел со всем присутствием духа не отвести взгляда, когда эта куколка из хорошей семьи посмотрела на меня с робкой улыбкой. Отец всегда говорил, что в жизни людям нужно платить той же монетой. Он имел в виду оплеухи и прочие неприятности, но я решил последовать его совету и ответить улыбкой на улыбку, даже добавив в качестве бонуса легкий кивок. Это она медленно подошла ко мне, посмотрела на меня сверху вниз, протянула руку движением, мне совершенно незнакомым, и сказала:

— Меня зовут Бланка.

Бланка протягивала руку, как барышни в салонных комедиях, ладонью вниз, томно, будто юная парижанка. Я не сообразил, что следовало, склонив голову, коснуться ее губами, и Бланка убрала руку и вздернула бровь.

— Я — Давид.

— Ты всегда такой нелюбезный?

Я силился отыскать красивую фразу, чтобы загладить первое впечатление, искупить свою сущность неотесанного плебея искрометным блеском ума, но тут с угрюмым видом подошла служанка и посмотрела на меня, как на вырвавшегося на волю бешеного пса. То была молодая женщина с суровым лицом, ее черные, глубоко посаженные глаза не выражали симпатии. Она взяла Бланку за локоть и отвела от меня.

— С кем вы разговариваете, сеньорита Бланка? Знаете ведь, что ваш отец не любит, когда вы общаетесь с посторонними.

— Это не посторонний, Антония. Это мой друг Давид. Отец его знает.

Я остолбенел, а служанка взглянула на меня искоса.

— Давид, а дальше?

— Давид Мартин, сеньора. К вашим услугам.

— Антонии никто не служит, Давид. Это она служит нам. Правда, Антония?

На мгновение мелькнуло в ее чертах выражение, которого никто не заметил бы, кроме меня, поскольку я не спускал с нее глаз. Антония метнула на Бланку короткий, темный взгляд, отравленный не-

навистью, оледенивший мне кровь, и тут же снисходительно улыбнулась и покачала головой, будто не придала словам девочки никакого значения.

— Дети, — буркнула она себе под нос и вернулась к магазинчику, который уже открылся.

Тогда Бланка сделала жест, словно собирается присесть на ступеньку. Даже невежа вроде меня понимал, что такое платье не может соприкоснуться с низменной, припорошенной угольной пылью материей, из которой состоял мой домашний очаг. Я скинул покрытую заплатами куртку и разложил ее наподобие коврика. Бланка уселась на лучшую из моих одежек и вздохнула, глядя на улицу и на прохожих. Антония, стоя в дверях книжной лавки, не сводила с нас глаз, а я делал вид, будто этого не замечаю.

— Ты здесь живешь? — спросила Бланка.

Кивнув, я показал на соседнее строение.

— А ты?

Бланка посмотрела на меня так, будто этот вопрос был самым глупым, какой она услышала за всю свою короткую жизнь.

— Конечно, нет.

— Тебе не нравится квартал?

— Здесь плохо пахнет, темно, холодно, люди некрасивые и много шумят.

Мне бы в голову не пришло определить таким образом знакомый мне мир, но я не нашел убедительных аргументов, чтобы опровергнуть ее слова.

— Тогда почему ты тут?

— У моего отца дом недалеко от рынка Борн. Антония приводит меня туда почти каждый день.

— А сама ты где живешь?

— В районе Сарриа, с матерью.

Даже такой бедолага, как я, слышал о том квартале, но, разумеется, никогда там не бывал. Я представлял его как цитадель огромных домов, бульваров с липами, роскошных карет и тенистых садов, мир, населенный людьми, похожими на эту девочку, только повыше ростом. Без сомнения, ее мир был благоуханным, сверкающим, его оведал свежий ветерок, а люди были красивые и вели себя тихо.

— Почему твой отец живет здесь, а не с вами?

Бланка пожала плечами, отвела взгляд. Похоже, ей было неловко говорить об этом, и я не настаивал.

— Это ненадолго, — произнесла она. — Скоро папа вернется домой.

— Конечно, — поддакнул я, даже не зная, о чем речь, но с таким сочувствием, на какое способен лишь тот, кто уже родился неудачником и всегда готов любого направить на путь смирения.

— Квартал Рибера не так и плох, увидишь сама. Ты быстро привыкнешь.

— Не стану я привыкать. Не нравится мне этот квартал и дом, который купил отец. У меня здесь нет друзей.

Я сглотнул слюну.

— Хочешь, я буду тебе другом?

— А кто ты такой?

— Давид Мартин.

— Это ты уже говорил.

— Кажется, у меня тоже нет друзей.